тому вступило в союз с банкирскими домами, финансировавшими торговлю и занимавшимися обменом денег и ростовщичеством. Они возникли в итальянских городах-государствах, прежде всего в Венеции (а также в Генуе и на территории Ломбардии); уже в первой трети XIII века они, как отмечал А.И. Фурсов, "опутали долговой сетью значительную часть Европы", разжигая в своих интересах самые разнообразные войны. Из-за укрепления Османской империи, перекрывшей сухопутный путь в Индию, прорыва в последнюю Португалии через Индийский океан и открытия Нового Света, они стали переносить свою деятельность в Западную Европу — вслед за переходом туда центра деловой активности.

РЕВОЛЮЦИЯ»

Немного о факторах британского превосходства

В 1582 г. венецианская аристократия приняла решение об установлении своего контроля над Голландией, которая была одним из новых формирующихся "центров силы" Европы (альтернативные проекты предусматривали в качестве источника приложения сил Ватикан и Испанию). Вместе с еврейскими купцами венецианцы открыли амстердамскую биржу, а в 1609 году — амстердамский Wisselbank, который, как отмечал А.И. Фурсов, "контролировался двумя тысячами депозитариев и был главным в Европе до первых десятилетий XVIII века, …когда пик Голландии в мировой торговле остался на полстолетия в прошлом".

Венецианцы первыми признали Голландию в 1619 году, но начавшаяся годом ранее Тридцатилетняя война показала её уязвимость. Кроме того, венецианцы вынуждены были конкурировать в Голландии с опередившими их буквально на чуть-чуть евреями-марранами (криптоиудеями), бежавшими туда из Испании и Португалии в конце XVI века.

А.И. Фурсов указывал: "Единственной альтернативой Голландии была Англия — мало того, что остров…, но государство с… потенцией превращения в ядро североатлантической мир-экономики. К тому же… Англия была уже подготовлена венецианцами в качестве запасной площадки — они работали над этим с конца 1520-х годов…"

Венецианские финансисты (вместе с еврейскими банкирскими домами, в которых они со временем растворились) во многом сформировали английскую элиту, оплодотворив косную и некультурную среду "новых дворян" богатейшей и изощрённейшей политической и интеллектуальной традицией Венеции (и иудаизма).

О глубине преобразования ими (и объективными требованиями того периода истории) Англии свидетельствует стремительное и драматическое изменение английского языка, за какие-то сто лет превратившийся из богатого и изысканного языка Шекспира в идеально упрощённый язык торговли и управления — и ничего более.

Финансисты использовали в Англии (как и везде, как и всегда) имевшуюся власть, делая при этом особую ставку на контроль над перспективными политическими силами. Поэтому в Английской революции 1640—1660-х годов они поддержали парламент, бывший оплотом "джентри" (тем более, что Елизавета I взяла под полный контроль чеканку монет и в целом денежное обращение, чем вызвала неприятие финансистов). Оплачивая Кромвеля в ходе гражданской войны, финансисты после его победы взяли под контроль всю хозяйственную жизнь Англии.

В частности, они захватили квадратную милю в центре Лондона и добились её особого статуса. И сегодня "Лондонский Сити… имеет… признаки суверена над… властями Великобритании. Премьер-министр Великобритании должен в течение десяти дней приехать в Сити, когда Корпорация Сити… просит его о встрече. Если в Сити хотят видеть монарха, то он должен явиться в течение недели. Ежегодно министр финансов выступает в Гилдхолле (здание ратуши) и резиденции лорд-мэра, где он отчитывается, … как служит интересам финансов. Британский монарх может попасть на территорию Сити только с разрешения лорд-мэра. Порядок въезда на территорию лондонского Сити выглядит так. На границе Елизавету II ожидает лорд-мэр Сити с полицейскими, оруженосцем и жезлоносцем. После преклонения перед Жемчужным мечом (Pearl Sword), королева может въезжать в город"5.

ОТ СОЮЗА МОНАРХИИ И "ДЖЕНТРИ" — К СОЮЗУ ПАРЛАМЕНТА И КУПЦОВ

Экономическое процветание Англии в первой половине XVII века было неустойчивым, так как после запрета вывоза необработанной шерсти опиралось на единственный предмет экспорта — шерстяные ткани (составлявшие более 80 % экспорта. Английские купцы нуждались в защите от голландских конкурентов, правительство — в повышении налогов; результатом стало усиление протекционизма.

Навигационные акты, издававшиеся с 1651 по 1673 год (то есть и при республике, и после Реставрации, которая не мешала бизнесу), устанавливали, что импорт может доставляться в Англию только напрямую из страны-производителя и только на её либо на английских кораблях. Это выводило за рамки английской торговли флот и порты Голландии. Нужные Европе колониальные товары (включая табак и сахар) шли в Англию, — соответственно, и колонисты покупали всё необходимое на её рынках. Это сделало английских купцов посредниками между колонистами и европейцами, обеспечив им сверхприбыли искусственно созданной монополией.

Голландцы безуспешно пытались защитить выгодную им свободную торговлю в морских войнах 1652—1654 и 1665—1667 годов. В войне 1672—1674 годов Карл II, заручившись в обмен на поддержку католицизма союзом Людовика XIV, заставил Голландию защищаться. Голландия начала стагнировать, а Англия бурно развивалась (за первые 40 лет XVII века обороты её внешней торговли выросли вдвое, а за столетие — вдвое увеличилось число её кораблей и таможенные доходы) и заняла место Голландии в качестве торгового лидера Европы, став лидером и в работорговле.

Бурное развитие капитализма в силу уничтожения остатков феодальных ограничений продолжалось и после Реставрации Стюартов: Карл II вернулся в другую страну и не пытался её переделать (кроме заигрываний с католицизмом, которые дали ему союз с Францией против Голландии и субсидии от Людовика XIV, позволившие в конце правления отказаться от налогов, сбор которых регулировался враждебным ему парламентом). Сложившиеся в середине 1670-х в английской элите тори (сторонники монархии и англиканства) и виги (сторонники парламента и протестантов), борясь друг с другом, были объединены неприятием католиков и французов, а значит — и настроений Карла II. Это единство позволяло им избегать войны, что стало большим шагом к цивилизованному устройству государства, где внутриполитическая борьба шла в парламентских рамках под контролем крупного капитала и вела не к ослаблению, а к усилению государства.

Ставший королём после отравления Карла II ртутью в ходе алхимических опытов его младший брат Яков II ("весёлый король" Карл II, признавший 14 внебрачных детей, не оставил законных наследников) восстановил против себя Англию за рекордные три года: народ возненавидел его за политику восстановления католицизма, элита ("новое дворянство" и финансисты) — за жёсткий курс на построение абсолютизма по французскому образцу.

Виги и тори объединились против Якова II, но нового Кромвеля не нашлось, и банковские дома профинансировали "Славную революцию" 1688 года — интервенцию голландского принца протестанта Вильгельма Оранского и госпереворот. Его результатом стал Билль о правах 1689 года, помимо перечисления гражданских прав англичан объявивший вне закона любой абсолютистский режим, каким была и монархия Стюартов. Билль означал переход Англии к конституционной монархии, в которой король подчиняется законам, издаваемым парламентом, и является лишь первым чиновником государства.

Подход вигов победил, но это стало возможным только благодаря поддержке тори (получивших в качестве компенсации главенство англиканства). Результат "Славной революции" стал компромиссом для англичан; основанное на экономическом интересе единство элиты укрепилось, включая партнёрство между парламентом и купцами, — и оказалось направлено против Франции. Через сто лет оно сокрушит Францию, прямо организуя Великую революцию и направляя её через разветвлённую сеть тайных обществ и скрытого финансирования.

Тривиальный госпереворот в ходе интервенции зовётся революцией (да ещё и Славной) не только из-за стремления к самовозвеличиванию и даже не из-за окончательного перехода от абсолютной монархии к парламентской. Её фундаментальным результатом стало окончательное формирование сохранившегося до наших дней одного из фундаментальных факторов британской конкурентоспособности: патриотического единства управленческой и коммерческой элиты, достигаемого, несмотря на все внутренние конфликты, общим стратегическим интересом, основанным на использовании государства как инструмента для внешней конкуренции.

Осознание этого единства само по себе явилось мощным стабилизирующим фактором, способствующим систематическому компромиссу во внутриполитической борьбе и урегулированию внутренних конфликтов организацией внешней экспансии.

Созданное "Славной революцией" новое качество английской элиты проявилось уже через несколько лет в неожиданной, но фундаментальной для новой эпохи финансовой сфере.

ФИНАНСОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: БАНК АНГЛИИ КАК ПЕРВЫЙ ЧАСТНЫЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ БАНК МИРА

"Славная революция", обеспечив единство элиты, создала необходимые предпосылки для глубочайшего преобразования финансовой системы, в результате которого купцы и лендлорды с охотой стали кредитовать правительство, контролируемое ими через парламент, а королевский долг стал национальным и превратился в локомотив развития страны (во Франции одалживать королю деньги было рискованным занятием, что ограничило государственный кредит и способствовало её поражению в борьбе с Англией).

Разумеется, оборотной стороной этого стали сверхприбыли финансистов. Кредитуя торговлю, они стремились к её росту; когда же способствовавшие ему меры вели к столкновениям (вроде англо-голландских войн, спровоцированных Навигационными актами), они с удовольствием финансировали и войны, используя кредитование государства для расширения своего влияния на него.

Так, в 1690 году победители в "Славной революции", Вильгельм III Оранский и парламент, взяли большие займы под высокие проценты для войны со сторонниками Якова II в Ирландии и с Францией — в Северной Америке: денег в английской казне просто не было, как обычно бывает после революций, да ещё славных.

Девятилетняя война (1688—1697 годов) между Францией и созданной Вильгельмом Оранским Аугсбургской лигой после превращения последнего в Вильгельма III потребовала участия Англии — тем более, что Яков II бежал к своему покровителю, Людовику XIV, который сразу же начал военные действия против Англии и Голландии.

"Славная революция" (как и мир, быстро заключённый Священной Римской империей с турками) изменила соотношение сил не в пользу начавшей войну Франции, но финансисты с обеих сторон, стремясь закабалить "свои" государства, исключили возможность мира.

Новые деньги для ведения активных боевых действий понадобились Англии уже в 1693 году, но финансисты отказали в них ради качественно нового уровня своего влияния: создания частного банка в качестве центрального для всего государства с правом денежной эмиссии и установления тем самым своего контроля за всеми финансами общества. Ситуация была настолько отчаянной, что для поиска денег создали специальный комитет палаты общин.

Предложение шотландца Уильяма Петерсона о создании такого банка для эпохи государственно-частных компаний, когда классическое государство только начинало формироваться, не было чем-то выходящим из ряда вон: финансисты предложили королю и парламенту в своей сфере принципиально тот же механизм, который купцы уже давно использовали в торговых компаниях.

Новизна заключалась в двух факторах.

Прежде всего, объектом деятельности была не торговля с дальними странами, а финансирование государства. Обязательства частного банка были обеспечены государством (налогами и вкладами в банке) и выпускались для оплаты долга правительства. Парадокс (и смысл частного центрального банка) заключался в том, что любое обязательство (банкнота) Банка Англии с момента выпуска являлась, в конечном счёте, долгом правительства перед её держателем, а выпускаться она могла и без согласования с правительством. Требование сделать банкноты Банка Англии полноценным платёжным средством, объективно конкурирующим с монетами, которые чеканило правительство, последнее поначалу отвергло с формулировкой "это зашло слишком далеко", — но деваться было некуда. Правда, банкноты Банка Англии обладали крупным номиналом, недоступным для большинства населения, так что их появление заметила только элита.

Второй фактор новизны заключался в смене характера государства. После "Славной революции" оно уже отделилось от короля; сказать по примеру французского соседа нормальное для абсолютизма "государство — это я" было уже невозможно. Поэтому вхождение короля в учредительный капитал, по инерции, возможно, ещё воспринимавшееся современниками как естественное участие государства в "государственно-частном партнёрстве", на деле было участием уже частного лица, пусть даже и исключительно влиятельного.

Таким образом, приватизация государства нового типа, le stato Макиавелли (юридически оформленного только в рамках Вестфальского мира — более чем через столетие после осознавшего его становление гениального флорентийца), отделённого от королевской семьи и представляющего собой общественный, а не частный институт, — в Англии произошла практически в момент его создания.

Что стало одним из факторов его будущего могущества, поскольку приватизаторы воспринимали себя неотъемлемой частью "новой" Англии и её совладельцами, не имея и не приобретя за последующие века иной идентичности, кроме английской (несмотря на свой, вероятно, пёстрый этнический и даже конфессиональный состав).

Банк Англии, первый в мире частный6 центральный банк, был создан в 1694 году для финансирования войны с Францией — точно так же, как ФРС в 1913 году была создана для финансирования Первой мировой войны. Но, если для американских финансистов XX века раздуваемая ими война была инструментом завоевания господства не только над США, но и над всем миром, и представляла поэтому самостоятельную ценность, их английские предшественники использовали её в более скромных целях: лишь как способ загнать английское государство в безвыходное положение и захватить экономическую власть в Англии7.

Начало деятельности Банка Англии ознаменовалось провалом: для оплаты долга правительства он сразу выпустил новых денег на 760 тыс. фунтов стерлингов. Это вызвало скачок цен; за два года Банк Англии утратил платёжеспособность, что создало хаос в денежном обращении. Свободный обмен его обесценившихся банкнот на серебряные монеты создал огромные возможности для спекуляций.

Денежное обращение было нормализовано титанической деятельностью Ньютона на посту руководителя Монетного двора (о чём далее будет рассказано отдельно), но утрата платёжеспособности Банка Англии создала угрозу конкуренции.

Уже в 1696 году, когда проблемы управляемого вигами Банка Англии стали очевидны, тори попытались учредить National Land Bank с аналогичными функциями. Будучи землевладельцами, они, похоже, предполагали вносить в капитал реальный актив — землю, но, скорее всего, не знали ни о скрытом участии короля в Банке Англии (что обеспечивало его политический союз с вигами), ни о фиктивности его капитала, что делало его чисто спекулятивным и оттого более мощным в краткосрочном плане предприятием.

В силу заинтересованности короля в Банке Англии (и союза финансистов прежде всего с вигами) попытка тори не увенчалась успехом, и уже в следующем году Банк Англии закрепил свою монополию: парламент запретил создание новых крупных банков и ввёл смертную казнь за подделку банкнот Банка Англии.

В 1708 году закон ужесточился: Банк Англии получил монополию выпуска векселей на предъявителя и краткосрочное (до 6 месяцев) кредитование. Запрет создавать компании больше чем из 6 партнёров блокировал создание мало-мальски значимых банков.

В результате банкротств банков Компании Южных морей и Джона Ло (в одном и том же 1720 году) английская пирамида госдолга осталась единственной в Европе. Банк Англии не пытался использовать для обеспечения своих обязательств спекулятивные операции, ограничиваясь налоговой базой правительства, и эта консервативная по тем временам политика обеспечила ему успех.

Крах Компании Южных морей, вызвав общенациональную панику, не только подверг Банк Англии натиску вкладчиков, но и обеспечил ему ещё одну монополию, подтверждающую его исключительное положение: право приостанавливать платежи монетами, то есть приостанавливать исполнение своих обязательств золотом и серебром (на фоне французского запрета хождения золотой и серебряной монеты это выглядело безобидно). Данное право свидетельствовало: управление госдолгом — важнейшая государственная функция, ради которой можно пренебрегать интересами обычных, не связанных с управлением государством субъектов экономики и обычным правом, из которого и было сделано исключение.

Почему же госдолг оказался так важен? Для понимания этого рассмотрим финансовую систему, созданную в конце XVII века Ньютоном и ставшую ключевым фактором британской мощи. Наиболее емко её эффект описал один из основателей геополитики контр-адмирал Альфред Тайер Мэхэн: "Хотя мы вышли из тяжёлой войны в 1697 году обременёнными долгом, слишком значительным для погашения его в течение кратковременного мира, мы… уже около 1706 года вместо того, чтобы видеть флот Франции у наших берегов, ежегодно посылали сами сильный флот для наступательных действий против неприятельского".

Окончание следует

Александр НАГОРНЫЙ, Николай КОНЬКОВ

ПЕНСИИ: ТОЧКИ НАД «Ё»

Почему власть идёт на разрыв с обществом

Окончание. Начало — на стр.1

ДРУГИЕ "СКЕЛЕТЫ" В НАШЕМ ПЕНСИОННОМ "ШКАФУ"

Но это, так сказать, артефакты только первого слоя наших раскопок. А он — далеко не единственный. И даже не главный.

Оставим в стороне отработанную с того же 2011 года механику "оптимизации управления" пенсионными средствами, когда ПФР делегирует эту функцию Внешэкономбанку, тот — в АО "Управляющая компания Российский фонд прямых инвестиций" (УК РФПИ), тот — в различные ООО, далее — везде: хоть в акции "рогов и копыт", хоть в офшоры… Умолчим про негосударственные пенсионные фонды, объём вложений в которые по итогам 2017 года превысил 2 трлн. рублей, хотя из них добрая половина активно работает "в ноль" или даже несёт убытки, а в случае их банкротства получается так, что ни денег, ни "концов" не найти. Да их и не ищут особо (см. пример переехавшего из Россию в Великобританию Бориса Минца, руководившего группой "Открытие", в разных пенсионных фондах которой "зависло" почти 500 млрд. рублей).

Но всё это, разумеется, не более чем "усушка, утруска, угар и утечка", дополнительные накладные (вернее, "боковые") расходы основного производства. А оно посвоему прекрасно и "высокотехнологично".

Как постоянно напоминает, например, Михаил Делягин со ссылкой на официальные данные Минфина РФ, сумма нераспределённых доходов бюджета непрерывно растёт и в настоящее время как раз приближается к планке 8 трлн рублей, заявленной либеральным социально-экономическим блоком правительства в качестве недостающих средств для реализации майского указа президента. Но все чиновники, сверху донизу, "застывают в трагическом недоумении: откуда же взять деньги"?

Между прочим, "свободные остатки бюджетных средств", как правило, размещаются на счетах коммерческих банков и, судя по всему, могут быть использованы для выдачи кредитов населению. Во всяком случае, три эти суммы: остатки бюджетных средств, кредиты населению и "недостающие" средства для выполнения "майского суперуказа" президента, — примерно совпадают по своим размерам. Понятно, что столь гениальная и высокодоходная схема требует для своей работы не только лояльного отношения "сверху" (здесь Эльвира Набиуллина, проводящая как глава ЦБ с 2013 года санацию банковской системы, выступает настоящим "санитаром денежного леса", со всеми плюсами и минусами подобной роли), но и повышенного спроса "снизу", гарантированно обеспечить который способно только снижение реальных доходов граждан России.

Разумеется, можно предположить, что Пенсионный фонд является каким-то исключением из наблюдаемой картины, но если вспоминать историю "пенсионных реформ", начатых с подачи ещё приснопамятного Михаила Зурабова, такое предположение способно вызвать разве что саркастическую усмешку и какие-то смутные аллюзии с полузабытой формулой "классовые интересы". Как говорится, не стоит объяснять заговором то, что объясняется куда более простыми и понятными причинами.

Как справедливо отмечает ряд авторов, согласно действующему пенсионному законодательству и вопреки расхожему мнению, сами граждане России не платят в ПФР ни копейки из своей зарплаты. 22% от официального фонда оплаты труда (ФОТ) в Пенсионный фонд перечисляют их работодатели. Совершив небольшое умственное усилие, легко понять, что при таком порядке вещей наше государство — под определённые встречные обязательства финансовых гарантий перед работодателем и работников в случае потери трудоспособности последнего (в том числе — по старости) — де-факто сдаёт своих граждан в аренду другим гражданам (или негражданам), которые занимаются предпринимательской деятельностью в юрисдикции РФ и готовы платить за это обязательный пакет налогов, официальных и неофициальных. Впрочем, оценка реальной налоговой нагрузки на российский бизнес в задачи настоящей статьи не входит — понятно лишь то, что она действительно много выше "номинала".

Причём сама аренда рабочей силы у государства в данный пакет входит лишь частично, откуда "чёрные" и "серые" зарплаты (доплаты) работающим по найму и т.п. Объём таких выплат МВФ считает на уровне 36,7% ФОТ, а наш родной Росстат — 17%, то есть в два с лишним раза меньше. Казалось бы, вот оно, ещё одно богатейшее поле для усилий исполнительной и законодательной власти — ведь, напомним, "белый" ФОТ в 2017 году составил почти 33,54 трлн. рублей, даже 17% от этой суммы — 5,7 трлн., с которых в ПФР должно поступать больше триллиона рублей в год. Но, опять же, нет. Что на фоне вышеизложенного, согласитесь, как-то уже ничуть не удивляет.

И, НАКОНЕЦ, САМОЕ ГЛАВНОЕ

В третий раз вернёмся к цифре российского ФОТ 2017 года (33,54 трлн. рублей) — теперь с точки зрения отношения оной к официальному ВВП России (92,08 трлн. рублей). Получится примерно 36,42 %. Много это или мало?

Для "рыночной экономики" — это невероятно мало, хотя ряд авторов указывает, что, с учётом скрытых выплат, а также 30%-ных отчислений работодателей от ФОТ на социальное страхование (включая пенсионное и медицинское) реальная "зарплатоёмкость" российской экономики даже несколько превышает среднемировой уровень в 50-55 %. Так ли это?

Опять же, не будем касаться весьма спорных оценок соотношения зарплат и ВВП в "теневом" секторе российской экономики, поскольку данная тема вообще не изучена, а периодически всплывающие на поверхность артефакты наподобие пресловутых "миллиардов полковника Захарченко" только подтверждают, что "там на неведомых дорожках следы невиданных зверей", — короче, "там чудеса", по сравнению с которыми сказки Шахерезады тысячу и одну ночь курят свой кальян в сторонке.

Куда важнее то обстоятельство, что пенсионные отчисления в их нынешнем виде не только де-факто, но даже и де-юре не являются доходами работника, поскольку на них не распространяются фундаментальные права собственности: владения, распоряжения и наследования.

Например, установленный законом норматив "дожития" после получения работником права на пенсию составляет 228 месяцев, то есть 19 лет. Исходя из этого срока, исчисляется базовый размер его ежемесячной пенсии, причём номинальная сумма "пенсионного капитала" считается по "чистой" сумме отчислений в ПФР, без начисления процентов (небольшими вариациями с НПФ и поправками на инфляцию можно пренебречь). Следовательно, чтобы наши сограждане могли получить "на руки" всю перечисленную на "их" лицевой счёт в ПФР сумму, продолжительность жизни каждого из российских мужчин при нынешней планке пенсионного возраста должна достигать 79 лет, а женщин — 74 лет. Подчеркнём, что эти цифры не имеют прямого отношения к показателю "ожидаемой средней продолжительности жизни".

Если брать "половозрастную пирамиду" населения нашей страны, то по состоянию на 1 января 2017 года в России проживало и 10,8 млн. мужчин в возрасте свыше 60 лет, и 25,9 млн. женщин в возрасте свыше 55 лет. Из них мужчин старше 80 лет — чуть больше 1,5 млн., а женщин старше 75 лет — 6,9 млн. Иными словами, даже из доживших до пенсионного возраста мужчин шанс "добраться" до лимита нормативных выплат имеет только каждый седьмой, а из женщин — примерно каждая четвёртая. Опять же, с учётом существующей в России особой системы государственных пенсий эти результаты можно считать приукрашенными.

Если же гражданин (в любом возрасте) умирает, не имея нетрудоспособных иждивенцев (и в некоторых других специально оговорённых законом случаях), практически вся оставшаяся "неиспользованная" сумма его пенсионных накоплений автоматически отчуждается в пользу государства (ПФР). Отсюда понятно, что присоединять отчисления в ПФР к общей сумме оплаты труда в России нет никаких оснований. А это, в свою очередь, дополнительно снижает общий уровень доходов населения, поскольку, согласно конвенции Международной организации труда (МОТ) "О минимальных нормах социального обеспечения", уровень замещения зарплат пенсионными выплатами должен составлять не менее 40%. А низкие зарплаты в нынешней правовой модели — это низкие пенсии.

Простой пример: 40%-ная пенсия от средней (не медианной, а средней) ежемесячной зарплаты в 35 843 рубля должна составлять 14 337 рублей (в реальности — 14 137 рублей, но этой двухсотрублёвой разницей можно пренебречь). А если бы те же 22 % отчислений в ПФР выплачивались не отдельно работодателями, а из номинальной зарплаты работника, то она в нынешних условиях составляла бы 43 728 рублей с "нормативным" размером средней пенсии уже 17 491 рубль — на 3 тысяч рублей в месяц больше, чем сегодня. Есть разница? Разница есть, но не в пользу населения. Поэтому её и нет.

В общем, предложенный правительством проект пенсионной реформы с повышением возраста выхода на трудовую пенсию действительно нанёс по действующему "социальному договору" между властью и обществом "удар ниже ватерлинии". Основная проблема возникшей "искры" даже не в пресловутых "65/63", а в том, что правительственный законопроект оказался "рестрикцией", в недостаточной мере увязанной со всем комплексом социально-экономических проблем российского общества и не предлагающей пенсионерам, нынешним и будущим, никакой компенсации повышения их трудовых и прочих затрат. Без которого, конечно, никакого "вхождения РФ в пятёрку ведущих экономик мира" не состоится.

Никто, к тому же, не объясняет обществу главной причины нынешнего "пенсионного провала", уходящего корнями в "рыночные реформы" 90-х годов, со сменой форм собственности в результате нескольких "волн приватизации" и, соответственно, с переходом от государственно-бюджетной пенсионной системы к страховой. Возможно, здесь решающим моментом может оказаться предоставление гражданам России права наследования "пенсионного капитала" — по аналогии с "материнским капиталом", поскольку в этом случае государство не будет изымать в свою пользу невыплаченные гражданину средства в случае его смерти, а передавать их его наследникам или по завещанию. Впоследствии стоит также рассмотреть возможность начисления пенсионных выплат гражданам РФ в зависимости от количества выращенных ими трудоспособных детей, а также от размера уже их отчислений в ПФР. Вариантов "настройки" здесь множество, в том числе — действительно способствующих стабилизации и повышению солидарности нашего общества. И то, что действующая "властная вертикаль" не хочет (или в её нынешнем виде — не может) их использовать, — минус не только самой власти, но и обществу.

ОТ РЕДАКЦИИ.

В среду 29 августа, когда этот номер уже выйдет в свет, состоится телевизионное обращение президента Российской Федерации Владимира Путина по проблемам пенсионной реформы.

Пенсионный Фонд России: денег-то нет, но мы держимся...

В очередном номере (5 (61)) журнала "Изборский клуб" помещены материалы, посвящённые периоду российской истории времён правления Ивана Грозного. Мифы о русском царе и реальность его методов и итогов правления, что мы должны подчерпнуть, чему научиться у русского правителя, укреплявшего и расширявшего русское государство. Об этом можно прочитать в статьях "Память о будущем" (выездное заседание Изборского клуба в городе Александров), "Гражданское общество. Русская модель" (Михаил Кривоносов, Александр Манягин), "Иван Грозный — forever!" (Владимир Хомяков), "Об Александровском наказе президенту" (Анатолий Мальцан), "Опричный град" (Пётр Сергеев).

Также в журнале уделяется внимание теме демографии. О проблемах в этой области нашей жизни говорят по ходу круглого стола "Не хотим вымирать!" члены и эксперты Изборского клуба, Виталий Аверьянов в статье "Новые демографические меры безнадёжно опоздали", Владимир Тимаков в материале "Третий не лишний", Ян Симчера — "О качестве роста населения", Сергей Павленко, Игорь Фролов, Михаил Лукашев — "Чтобы Дальний Восток оставался русским". Экспертный доклад "Не убий!" подготовил Владимир Потиха.

Рубрика "Библиотекарь" знакомит с новыми книгами, в "Хронологии мероприятий клуба" можно узнать о прошедших мероприятиях с участием изборян.

Справки по телефону 8 (985) 256-91-24